
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Д. СУХОВ

И. И. МЕЧНИКОВ И ФИЛОСОФИЯ

Илья Ильич Мечников – естествоиспытатель широкого профиля, он работал в ряде отраслей биологии, смежных, но все же самостоятельных, имеющих свой предмет изучения. Он – эмбриолог, патолог, микробиолог, иммунолог. Ныне, когда резко усилилась научная специализация, овладеть той совокупностью дисциплин, в которых проявлял себя Мечников, проблематично. А ведь миссия его была здесь основополагающей. И. П. Павлов 14 мая 1909 г. в Петербурге на собрании научной общественности, где происходило чествование Мечникова, говорил, что его положение в сфере знания «исключительное», что он представляет собой «громадную, всем миром признанную русскую ученую силу»¹.

Наименее изученный аспект его творчества – философия. Между тем Мечников – один из наиболее философичных русских естествоиспытателей. Он автор книг «Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии», «Этюды оптимизма», «Сорок лет искания рационального мировоззрения». Все они – достояние не только естествознания, но и философии. Не будет даже преувеличением сказать, что это – философская классика. И, как всякая классика, эти книги не утрачивают своей значимости, привлекают к себе внимание вновь и вновь; ряд поднятых здесь проблем продолжает философски ориентировать читателя и в наши дни.

Призвание Мечникова определилось очень рано. В 1853 г. с его старшим братом Львом (впоследствии известным географом и социологом) занимался ботаникой студент-репетитор. На экскурсии,

---

¹ Павлов, И. П. Полн. собр. соч.: в 6 т. – Т. VI. – М., 1952. – С. 313–314.

которые предпринимались, чтобы непосредственно познакомиться с местными растениями, стал ходить и Илья – для прогулок. Вскоре, однако, ботаника стала его настоящей страстью. Он начал собирать и определять растения, составил гербарий, прослыл знатоком здешней флоры. «Ему тогда было восемь лет», – констатирует его биограф².

Знакомство с органическим миром продолжалось, и к 15-ти годам его естественно-научные интересы вполне конкретизировались и определились. Его вниманием овладели микроорганизмы, низшие существа, находящиеся на грани растительного и животного царств. Различным формам и аспектам их жизненных циклов, равно как воздействию их, позитивному и негативному, на организм человека, и посвятил Мечников впоследствии свою научную деятельность.

Параллельно шло его приобщение к философии. Еще будучи гимназистом, он познакомился с сочинениями таких мыслителей, как И. Г. Фихте, Л. Фейербах, Л. Бюхнер, Я. Молешотт. Не оставлена без внимания русская философская и социальная мысль. «Он читал “Полярную Звезду”, “Колокол” Герцена и многие другие запрещенные издания»³. Результатом этих идейных экскурсов были определенные сдвиги в его мировоззрении. «Постепенно он перестал верить, несмотря на то, что в детстве, под влиянием матери, он был очень религиозен. Безбожье... вызвало в нем общее критическое отношение»⁴.

После учебы в Харьковском университете Мечников в 1864–1867 гг. стажирuется за границей. Он изучает беспозвоночных на Северном и Средиземном морях. Ширятся его научные связи с учеными из различных стран. Сблизился Мечников и с некоторыми русскими философами, обосновавшими за пределами России. Л. И. Мечников, сторонник А. И. Герцена, летом 1865 г. познакомил Илью Ильича с ним в Женеве, где Герцен тогда жил. Посещая

---

² Мечникова, О. Н. Жизнь Ильи Ильича Мечникова. – М. – Л., 1926. – С. 17. Биография Мечникова, написанная О. Н. Мечниковой, его женой и сотрудницей, и по сию пору остается лучшей. О его жизни до их знакомства она узнавала из подробных рассказов его матери и его самого, затем была очевидцем всего происходившего. Биографию мужа она начала писать еще при его жизни; первая часть ее, а также некоторые главы второй были ему известны.

³ Там же. – С. 24.

⁴ Там же.

его, И. И. Мечников, как сообщает об этом он сам, «был очарован его необычайным умом и остроумием». Слушая же в его чтении тексты «Былого и дум», еще неопубликованные, он «увлекся им как литератором»⁵. О. Н. Мечникова добавляет к этому, что Герцен воздействовал на окружающих не только «мощью ума», но и «благородством всей своей личности». «Обаяние его было так велико и неотразимо, что осталось одним из самых сильных впечатлений жизни Ильи Ильича»⁶.

Помимо Герцена, еще с одним русским мыслителем-революционером хотел познакомиться Мечников. Им был М. А. Бакунин – знаток философии Г. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса, сам самобытный философ, причастный к созданию философии нового типа, творец одной из доктрин анархизма. В 1865 г. Мечников в Сорренто посетил его, был принят, по его словам, «с распростертыми объятиями» и сразу же посвящен в детали анархистского учения. К данной концепции Мечников проявил равнодушие, но был тронут проявленными Бакуниным «откровенностью и радушием». Они почувствовали себя «друзьями»⁷. Год спустя в Италии они увиделись вновь и встречались уже часто; добрые отношения между ними были продолжены. Мечников находил, что Бакунин – «титаническая личность», отдавал должное его «недюжинному уму». Видимо, не разделяя анархизма Бакунина, он с иным настроением воспринимал его мысли по другим предметам, в частности философским.

Большим событием для Мечникова была его встреча с таким естественником-философом, как И. М. Сеченов, которая состоялась в Сорренто в 1865 г. Дружба, начатая в Италии, была продолжена и крепла в России, где они, как вспоминал Мечников, зажили, «что называется, душа в душу». О производимом Сеченовым впечатлении Мечников писал: «Весь его умственный и нравственный облик внушал безграничное уважение, и влияние его сказывалось на каждом шагу. На шестнадцать лет моложе его, я однако же был не юнцом, когда сблизился с ним. Но тем не менее я чувствовал на себе

⁵ Мечников, И. И. Акад. собр. соч.: в 16 т. – Т. XIV. – М., 1959. – С. 39.

⁶ Мечникова, О. Н. Указ. соч. – С. 38.

⁷ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIV. – С. 62.

некоторый отпечаток его личности, и мне было приятно сознавать его превосходство»⁸.

Думается, не прошло бесследно для Ильи Ильича его общение с Л. И. Мечниковым, осуществлявшим длительный и широкий социальный поиск. Книга «Цивилизация и великие исторические реки», основательно затронувшая проблемы философии истории, явилась итогом этих его исследований. Она была издана в 1889 г. и оценена как «замечательная» такими неоднозначными рецензентами, как Г. В. Плеханов и В. С. Соловьев⁹.

Научная и педагогическая деятельность И. И. Мечникова в России осуществлялась преимущественно в Одессе – в Новороссийском университете, где он являлся профессором зоологии и сравнительной анатомии в 1870–1882 гг. Он делает фундаментальные открытия в микробиологии, имя его приобретает всемирную известность. Мечников завоевывает признание студентов: лекции его не только научно содержательны, отражают уровень последних достижений естествознания, они отмечены простотой изложения, превосходны по форме. Увлеченность профессора на кафедре передается аудитории; между ним и студентами – всегда живая связь.

Мечников старается держаться подальше от политики, служить науке и только ей. Проявляя известную умеренность в убеждениях, он характеризует себя как «прогрессивного эволюциониста». Но всего этого для университетского сотрудника недостаточно. Обстановка в университетах, как и во всей стране, и без того непростая, осложнилась еще более после 1 марта 1881 г., когда в результате террористического акта был убит император Александр II. По словам Мечникова, реакция стала косить «без разбора», а университет – пополняться лицами, «научный ценз которых был ниже всякой критики» и которые «выставляли свое невежество с невероятным цинизмом»¹⁰. Политическая благонадежность, подлинная или показная, выдвигала их на первый план. Передовая профессура оказалась в тяжелом положении, Мечников в том числе.

⁸ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIV. – С. 68.

⁹ См.: Плеханов, Г. В. Соч.: в 24 т. – Т. VII. – М. – Пг., 1923. – С. 30; Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М., 1989. – С. 323.

¹⁰ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIV. – С. 41–42.

В конце концов встал вопрос о нравственном достоинстве профессора, и именно это определило окончательную судьбу Мечникова в университете. Во время студенческих волнений попечитель учебного округа попросил его и еще одного профессора, также имевшего влияние на студентов, убедить их возобновить занятия. Он обещал уволить декана юридического факультета, поступки которого спровоцировали беспорядки. Однако когда учебный процесс был восстановлен, попечитель отказался выполнить обещание, ссылаясь на то, что не в его власти это сделать; студенты же подверглись жестоким и несправедливым преследованиям. Мечников посчитал, что ему не остается ничего иного, как подать прошение об отставке. Оно было принято, и работа Мечникова в университете в июне 1882 г. завершилась.

Он устраивает небольшую лабораторию у себя на квартире и продолжает исследования здесь, а в 1886 г. вместе со своими учениками организует Одесскую бактериологическую станцию – первую в России и вторую в мире. Мечников является ее заведующим. Но и здесь он не нашел условий, подходящих для работы, а встретил, как говорил он, «нашествия», «настоящую травлю», «постоянные препятствия», которые исходили «и сверху, и снизу, и сбоку»¹¹. В 1888 г. Мечников оставляет Одессу, переселяется в Париж и начинает работать там в организованном в это время Пастеровском институте. В нем он и оставался до конца жизни.

Связь с Россией не прервалась. В Пастеровском институте у Мечникова прошли подготовку сотни русских естествоиспытателей и врачей; некоторые из них сами стали видными учеными. Мечников поддерживал отношения (через переписку и встречи) с И. М. Сеченовым, А. О. Ковалевским, К. А. Тимирязевым, И. П. Павловым, Д. И. Менделеевым, многими другими деятелями русской науки. Его публикации систематически появлялись в России на страницах журналов «Научное слово», «Вестник Европы», газет «Русские ведомости», «Русское слово», отдельными изданиями.

Книги его, в которых были подняты философские проблемы, сразу же после создания становились достоянием русского читателя. Его трактат «Этюды о природе человека», вышедший в свет на

---

¹¹ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIV. – С. 43–44.

французском языке в Париже в марте 1903 г., уже в конце этого года печатается в Москве на русском. «Этюды оптимизма» появились на французском и русском языках соответственно в Париже и Москве в 1907 г. практически одновременно. Книга же его «Сорок лет искания рационального мировоззрения», составленная из опубликованных им ранее статей в различных русских изданиях и специально написанного вступления, печатается в 1913 г. в Москве.

Находясь в эмиграции, он неоднократно бывал на родине. Но и за границей он чувствовал себя русским. Когда Нобелевский комитет в связи с присуждением премии обратился к нему с вопросом о его гражданстве, Мечников уведомил его, что продолжает «оставаться русским подданным»¹².

Мечников явился в 1901 г. одним из основателей Высшей русской школы общественных наук в Париже. Он стал председателем Совета профессоров школы, а его заместителями были М. М. Ковалевский и Е. В. Де-Роберти, представители русской социологии и философии, жившие за границей. Школа ставила своей задачей дать русской молодежи, оказавшейся за пределами собственной страны, научные сведения по социальным дисциплинам, в своих идейных симпатиях ориентировалась на народников и неонародников. Но к ее работе привлекались и социал-демократы. Преподавал в школе Г. В. Плеханов. По приглашению Совета профессоров В. И. Ленин приезжал в Париж из Лондона, где он жил, чтобы прочесть в школе цикл лекций по теме: «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России». Он, в частности, полемизировал в них не только с народническим пониманием этого вопроса, но и с самими основами народнического мирозерцания.

Естественно, что деятельность этой школы, собравшей вокруг себя представителей русской революционной эмиграции, вызывала тревогу императорского правительства. За Мечниковым же, как показывают ставшие известными секретные документы, обнаруженные Д. Ф. Остряниным, российской полицией велась слежка, собирались сведения о нем, а когда он приезжал в Россию – фикси-

---

¹² См.: Шабров, А. В., Князькин, И. В., Марьянович, А. Т. Илья Ильич Мечников. Энциклопедия жизни и творчества. – СПб., 2008. – С. 336.

ровалось, с кем встречался, что делал, где был, у кого останавливался¹³.

В эти годы Мечников в Париже поддерживал отношения с П. Л. Лавровым – русским философом, одним из лидеров революционного народничества, который находился в дружеских отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом, был участником Парижской коммуны. В 1909 г. во время одной из поездок в Россию Мечников побывал в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, отлученного от церкви, гонимого мыслителя. В состоявшихся беседах затрагивались разнообразные проблемы, в том числе философские.

В 1911 г. Мечников совершил свою последнюю поездку в Россию. Как свидетельствует О. Н. Мечникова, факты русской жизни, кризисные явления в ней «повлияли на отклонение его влево»¹⁴. «Прогрессивный эволюционизм» не выдерживал испытания временем. Мечников стал ждать разрешения сложных задач русской жизни «помимо правительства и против него»¹⁵.

А начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война заставила его усомниться и в западных ценностях. Ему казалось, что время пошло вспять и человечество возвращается в эпоху дикости. Социальные бедствия дополнялись личными: Мечников тяжело заболел.

Неизменной составляющей его духовной жизни в этих условиях осталось рациональное восприятие мира. «Часто говорил он, как далек от всяких мистических поползновений... И действительность это вполне подтверждала: верный себе, ни разу, даже в самые тяжелые минуты не чувствовал он потребности искать опоры вне идей и принципов всей своей жизни»¹⁶.

Мечников считал, что в его время было преувеличением говорить, «будто треть человечества следует материалистическому мировоззрению, в котором нет места для идеи о загробной жизни; наоборот, совершенно ясно, что значительное большинство людей убеждено, что смерть не есть полное окончание существования, и часто настоящая жизнь представляется только переходною ступе-

---

¹³ См.: Острянин, Д. Ф. И. И. Мечников в борьбе за материалистическое мировоззрение. – Киев, 1977. – С. 40–43.

¹⁴ Мечникова, О. Н. Указ. соч. – С. 176.

¹⁵ Там же. – С. 177.

¹⁶ Там же. – С. 208–209.

нию к будущей»¹⁷. Себя Мечников относил к той части человечества, которая являлась пока что меньшинством: он разделял материалистическое мировоззрение.

Но бывало иногда, что он причислял свои воззрения к позитивизму и агностицизму. Понятия, получившие распространение и приобретшие определенный смысл, воспринимались им иначе, трактовались по-своему. Под позитивизмом подразумевались приверженность к науке, скептическое отношение к религии, теологии, мистицизму, под агностицизмом – отказ от трансцендентного, метафизического, ограничение себя сферой реальности. Мечников всегда бескомпромиссно противопоставлял собственные идейные позиции философскому идеализму, в том числе и его позитивистским проявлениям в узком значении этого слова. Возражал он и против попыток ограничить знание.

Мечников обладал философской эрудицией. В поле его зрения – вся история философии, от ее начальных ступеней в древности до стадии, современной ему. Он отмечает и отличительные признаки, свойственные отдельным мыслителям, и общие черты, характерные для групп философов, философских движений, течений.

Значительное внимание уделяет он трактовкам души и «того света» у мыслителей, приверженных философскому идеализму.

«Идея о загробной жизни, – пишет Мечников, – в течение долгого времени составляла одну из главных основ различных философских учений, цель которых была решить задачу смерти. Философы древности представляют нам многочисленные доказательства таких попыток»¹⁸. И Мечников рассматривает их – у Платона и Сократа, Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия, Плотина... Душа и ее потустороннее существование обосновываются у них не верой, как это делает религия, а доводами и соображениями, нередко отвлеченными и изоциренными. И все же сами мыслители ощущают недостаточность своих доказательств, проявляют неуверенность. В итоге философия античности дает следующие результаты. «С постепенным усилением скептицизма идея бессмертия души, в своей наивной и простой форме, сохраняется в одних только религиозных

¹⁷ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XI. – М., 1956. – С. 136.

¹⁸ Там же. – С. 147.

догматах»¹⁹. Однако идеи, принимаемые системами философского идеализма взамен, туманны, аргументы же скорее возвышенны, чем рациональны.

Подобные воззрения, впрочем, должны были «стушеваться перед христианством с его обещаниями будущей жизни и бессмертия». Наступили времена, когда философия «тонула в волнах религиозных чувств и идей». Ее усилия были сосредоточены на том, чтобы «оправдать религиозные догматы»; последние принимались «как неоспоримые начала»²⁰.

Имея в виду эпоху Возрождения и наступление Нового времени, Мечников отмечает стремление освободить человеческий разум. Но в вопросах, касающихся бессмертия души, не было, на его взгляд, существенных сдвигов; работу, проводимую в этом направлении, Мечников называет сизифовой. Напрягаются силы, привлекаются знания, но все это лишь для того, чтобы подтвердить религиозные начала. Мечников показывает, как это конкретно делалось, в частности, представителями классической немецкой философии – И. Кантом, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегелем, – и заключает, что «эти идеалистические системы, доведенные до крайности, привели к значительной реакции и вызвали отрицание положений, основанных на одних простых умозаключениях»²¹.

В числе философов-идеалистов XIX–XX вв., привлечших внимание Мечникова, А. Шопенгауэр, Э. Гарман, О. Конт, Г. Спенсер, Ф. Ницше... Он основательно анализирует взгляды таких своих современников, как А. Бергсон, У. Джемс, Р. Эйкен.

Не раз обращался он к критике Бергсона. Философия последнего становилась популярной и модной. Книги его читались, лекции собирали столько слушателей, что возникала давка и бились дверные стекла. Последователи французского философа сравнивали его по значимости с Р. Декартом и И. Кантом.

Для Мечникова эта «новая философия» оказалась неприемлемой из-за следующих ее особенностей. Бергсон был уверен в существовании души – в том ее понимании, которое свойственно религии. Душа, по его мнению, независима от мозга, хотя каким-то об-

¹⁹ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XI. – С. 149.

²⁰ Там же. – С. 153.

²¹ Там же.

разом и соотносится с ним. Мировой гений, подобный христианскому богу, занимается свободным творчеством. Мечников считал, что Бергсон воспроизводит, так или иначе, давно уже теоретически преодоленные воззрения.

Не согласен Мечников и с попытками Бергсона ограничить познание, свести его к интуиции, иными словами, к наитию, инстинктивным побуждениям, не считающимся с рассудком, к чутью. «Интуиция, составляющая исходную точку опоры новой философии, – писал в связи с этим Мечников, – есть тот самый процесс, который иногда испытывают ученые во время их творческой деятельности... Большею частью открытия делаются вследствие логического обдумывания интересующего вопроса, идя шаг за шагом за ходом мысли. Приходится перепробовать разные пути, прежде чем удастся вступить на надлежащий. Но гораздо реже случается, что ум внезапно осеняется новой мыслью, лишь отдаленно связанной с предыдущими рассуждениями»²². Мечников подчеркивает, что созидательная работа мышления при этом все равно совершается, хотя и бессознательно, чтобы затем вдруг, под влиянием какого-либо толчка, возбуждения, обнаружиться, стать осознанной. И интуиция далеко не всегда отгадывает истину. Данные, к которым она приводит, нуждаются в тщательной проверке.

Мечников охарактеризовал прагматизм – новейшее для того времени наряду с бергсонизмом проявление философского идеализма. Он напоминает ему религию. Прагматизм допускает возможность ирреальных, «высших» сил. А один из его создателей – У. Джемс, взгляды которого Мечников исследует, не сомневался и в их данности. Американский философ «был столь убежден в существовании загробного мира, что обещал после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями. Он, однако же, – не без иронии замечает Мечников, – до сих пор не выполнил этого обещания»²³.

В философской системе Р. Эйкена Мечников критически оценивает идеалистическую интерпретацию космоса, попытки выявить интимное соединение человека с жизнью мироздания. Разобрав аргументацию йенского профессора, Мечников заключает: «Я, однако же, не думаю, чтобы люди, привыкшие к точному мыш-

²² Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIII. – М., 1954. – С. 31.

²³ Там же. – С. 26.

лению и неохотно запутывающиеся в очень туманных общих построениях, согласились следовать Эйкену. Слияние с всецелым, то есть то проявление “космического чувства”, о котором так много говорят в последнее время, слишком несвойственно человеку и чересчур оторвано от действительности, чтобы сделаться руководящим в жизненном пути»²⁴.

Особое место в истории философии Мечников отводит английскому материалисту Ф. Бэкону, его книге «Новый Органон». Недостатки предшествующей ему философии состояли, по мнению Бэкона, не в объекте ее изучения – природе, законы которой неизменны. Дело было и не в ограниченности людей, отсутствии дарований. По Бэкону, неудачны были применявшиеся методы. Бэкон предложил новый метод познания – обобщать, следуя от фактов к выводам, постепенно увеличивая степень обобщения. Догадки в этом роде высказывались и ранее, но все же данный метод, и Мечников подчеркивает это, именно Бэконом «впервые формулирован». Новый метод тогда и позже принимался не всеми, встречал препятствия и противодействия. «Тем не менее прогресс совершился, и стало возможным приступить к сложным и трудным задачам, занимающим человечество»²⁵. Но результаты, достигнутые материализмом прошлого, так же не удовлетворяют современным требованиям, полагал Мечников, как и то, что сделано идеализмом. «Догматический материализм» не устраивает его. Несомненно, что под ним подразумевался прежде всего вульгарный материализм, получивший распространение в европейской философии XIX в. Материалистическое восприятие мира, согласно Мечникову, возможно иным образом. К числу тех, кто стремился обновить форму и содержание философского материализма, он относил и себя.

В своих произведениях Мечников рассмотрел некоторые проблемы философии религии. Не будучи социальным мыслителем, он не ставил перед собой задачу выявить совокупность общественных факторов, продуцирующих религию в сознании человека. Он, однако же, считал: религиозная вера связана с тем, что существование человека неполноценно, что он недоволен судьбой, переносит страдания, не может или не успевает раскрыть свои возможности.

---

²⁴ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIII. – С. 29.

²⁵ Там же. – Т. XI. – С. 170.

Мечников доказывал, что религия не присуща человеку от рождения, что нет в его природе какого-то особого – религиозного – инстинкта. «Тот факт, что большинство людей верит в божество и в будущую жизнь, основан не на религиозном инстинкте, а объясняется влиянием воспитания и внушения»²⁶. Подобно тому, как человек естественным образом приобретает религию, свойственно ему и расставаться с ней. «...Мы видим очень часто, что люди, веровавшие в детстве в то, что им было преподано внушением, теряют с годами и с развитием разумной деятельности всякую веру»²⁷.

Еще одной стороны религиозного мировосприятия касается Мечников. Бытует мнение, что только религия обеспечивает человеку душевное равновесие и спокойствие, давая ему возможность преодолеть страх смерти. Мечников показывает, что утешение, даваемое религией, иллюзорно, пределы его ограничены. Некоторые верующие, в самом деле рассчитывая на потустороннее существование, не боятся умереть. «Но такая беспредельная вера исключительна. Всего чаще она недостаточна для того, чтобы уничтожить страх смерти, как это доказывает множество примеров. У одних только фанатиков, несложных и первобытных натур слепая вера может победить инстинктивное чувство страха смерти»²⁸.

Даже в среде служителей церкви этот страх живуч. К числу известных на этот счет случаев Мечников прибавляет еще один, из собственных наблюдений. Он рассказывает о священнике, искренняя религиозность которого и ее глубина несомненны. Когда он в 74 года тяжело и неизлечимо заболел, то ежедневно исповедовался, но страх смерти преследовал его. Он до конца упорно надеялся, что врачи его вылечат; ему нельзя было не только сообщать об истинном его состоянии, но даже упоминать о смерти вообще, кончине его знакомых в частности. «Такой сильный страх смерти, – замечает Мечников, – не представляет ничего удивительного, так как вера в будущую жизнь прививается воспитанием, в то время как страх смерти вполне инстинктивен»²⁹. По его мнению, следует наметить иной путь для решения подобной задачи.

---

²⁶ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XII. – С. 23.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. – Т. XI. – С. 138.

²⁹ Там же. – Т. XIII. – С. 210.

В рамках философской антропологии Мечниковым были проанализированы две взаимосвязанные темы: о дисгармониях человеческой природы и об ортобиозе – полноценном жизненном цикле. В этой связи был рассмотрен как частный и вопрос о восприятии смерти.

Как и всегда в подобных случаях бывает, у Мечникова нашлись предшественники, рассуждавшие об этом, и он сам указал на них. Наследство это было двоякого рода. В одной его части человек трактовался как вполне гармоничное, даже идеальное существо. Так дело обстоит в античной философии, во времена Возрождения, у мыслителей XVIII столетия во Франции. «При таком преклонении перед природою философия должна была сделаться фаталистической и учить “принимать вещи так, как они сложились”, – спокойно перенося несчастья как неизбежные атрибуты действительности»³⁰.

Но существовало и иное, прямо противоположное воззрение; состояло оно в том, что природа человека несовершенна, даже неразумна, порочна. На исходе древнего мира в таком духе высказывался Сенека. Плоть, по его мнению, ничтожна. Это всего лишь оболочка души, пристанище, обременяющее ее, темница. «Подобный же дуализм (но только в сильнейшей степени) и связанное с ним пренебрежение к телу и возвеличение души характеризуют христианское воззрение на человеческую природу»³¹. Логическим следствием подобного понимания стало подавление чувственной стороны человеческой природы, а идеалом – отшельничество, монашество. «Под влиянием такого крайнего дуализма все природные человеческие инстинкты извратились до последней возможности»³².

Недостаток обеих позиций, несмотря на имеющиеся у них различия, – умозрительный подход к действительному миру. Мечников противопоставляет им собственные положения, опираясь на всю сумму известных к его времени естественно-научных данных.

Исходными для него явились выводы дарвинизма о том, что наряду с гармоническими явлениями живая природа полна и явле-

³⁰ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIII. – С. 108.

³¹ Там же. – С. 109.

³² Там же. – С. 110.

ний дисгармонических, что прогресс сопровождается регрессом и что утратившие значение структуры и функции организма не всегда успевают вовремя и бесповоротно сойти со сцены жизни. Вслед за Ч. Дарвином Мечников не исключал такой вариант трансформации, когда новые виды появляются не путем медленного и постепенного развития, но «внезапно», «скачком».

Возможность эта была подтверждена работами В. И. Шманкевича. Шманкевич в 70-х гг. XIX в. работал преподавателем гимназии и реального училища в Одессе и на низших ракообразных наблюдал в естественных условиях и эксперименте превращение одних видов в другие в течение немногих поколений – при изменении концентрации и температуры воды. О своих открытиях он публиковал статьи в русских и зарубежных научных изданиях³³. По крайней мере одна из них стала известна Дарвину, и содержание этой статьи его «очень заинтересовало», о чем он сообщал К. Земперу в письме от 6 февраля 1881 г.³⁴ Мечников хорошо знал Шманкевича и его работы, вместе с А. О. Ковалевским содействовал публикации их на немецком языке. Мечникову были известны также осуществленные несколько позже исследования голландского ботаника Хуго де Фриза, посвященные резким метаморфозам в мире растений.

То, что было выявлено Шманкевичем и де Фризом в отношении представителей животного и растительного царств, Мечников распространил на новую сферу изучения. Он посчитал, что человек своим происхождением обязан подобному же скачкообразному явлению. Именно этим он объяснил большую сохранность в природе человека ряда ненужных ему и даже вредных для него особенностей; многое, полученное от животных предков, в процессе быстрого перехода оказалось неизжитым. «Выражаясь образно, можно сказать, что в человеческом теле заключено целое низшее животное существо... Сильно распространенное в прежние времена мнение, будто человеческий организм представляет образец совершенства, выше которого ничего быть не может, не выдерживает более критики»³⁵.

³³ См.: Сухов, А. Д. Русский дарвинист В. И. Шманкевич и его научное наследие // Биология в школе. – 1960. – № 1. – С. 82–88.

³⁴ См.: Дарвин, Ч. Избр. письма. – М., 1950. – С. 281–282.

³⁵ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIII. – С. 115–116.

Но дело не в одних только морфологических и физиологических пережитках – остаточных, рудиментарных, осложняющих элементах человеческой природы. Человек живет в совершенно новых, небывалых прежде условиях – социальных. Этой обстановке не вполне соответствует не только его физическая организация, но и его психология. «Одним из основных источников разлада и дисгармонии является то, что человек, происшедши от животных, живших в одиночку или небольшими стадами, должен был развиваться в существо с самой широкой общественностью. В этом пункте и заключается самое больное место его природы...»³⁶ С этим связаны другие частные, но достаточно существенные изъяны. «Индивидуальное чувство, то есть эгоизм, очень могущественно в человеческом роде, и это объясняется, вероятно, тем фактом, что наши отдаленные предки еще не вели общественной жизни... Любовь ближнего, или альтруизм, является у человека относительно недавним приобретением и нередко развита лишь в слабой степени»³⁷.

«Низшее животное» обитает не только в теле человека; оно сидит «далеко не заглушенным» и в его психологии. «Предоставьте ему только свободно развиваться на том основании, что оно составляет “естественное свойство” нашего организма, и оно не замедлит вырваться»³⁸.

Мечников напоминает слова Ж. Ж. Руссо, взятые из его книги «Эмиль, или О воспитании», о том, как хорошо все, выйдя из рук творца, и как испорчено все руками человека. Он не может согласиться с этим. «В настоящее время, – считает Мечников, – можно отстаивать как раз обратное: природа дурно создала человека; только своими руками может он усовершенствовать себя»³⁹.

Выявленным дисгармониям Мечников противопоставлял учение об ортобиозе, полноценном жизненном цикле, которое предусматривало отыскание средств к их исправлению, устранению. Мечников высказывал предложения, как гармонизировать отношения человека с обществом; из-за своего крайнего несовершенства

---

³⁶ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. III. – С. 142.

³⁷ Там же. – Т. XII. – С. 190.

³⁸ Там же. – Т. XIII. – С. 141.

³⁹ Там же. – С. 198.

они подлежат переделке, причем «самой капитальной», что, в конечном счете, должно отразиться и на самой природе человека.

Индивидуализму и эгоизму, царящим в обществе, крайностям богатства и бедности, которые его отличают, должны прийти на смену иные начала, соответствующие новому социуму. Это взаимопомощь и солидарность в отношениях между людьми, отказ от роскоши и излишеств, трудовой, умеренный образ жизни.

Несмотря на известный скепсис, проявляемый к различным известным ему социалистическим течениям, особенно к бакунизму, сведения о котором он почерпнул от самого его создателя, Мечников не исключал того, что социализм «восторжествует когда-нибудь», но, по его мнению, «он будет мало чем похож на свой прообраз»⁴⁰. Нетождественность предполагаемого с достигнутым является, впрочем, несомненным фактом социального процесса. Б. Фонтенель в своих «Диалогах», опубликованных еще в 1683 г., полагал даже, что люди «никогда ни за что не возьмутся, если будут думать, что достигнут лишь того, чего они и достигают на самом деле. Нужно, чтобы перед их мысленным взором был воображаемый предел, который бы их воодушевлял»⁴¹.

Рассматривая человеческую природу, Мечников предлагает отказаться от взгляда на нее как на нечто незыблемое. Она может и должна претерпеть изменения сообразно определенному плану и ко благу самих людей. Человек уже давно не удовлетворяется природой растений и животных в том именно виде, как она сложилась, но видоизменяет ее сообразно своим надобностям. Но переделка природы человека требует иных подходов. «Методы, пригодные для растений и животных, должны быть вполне изменены в приложении к человеку. Здесь не может быть и речи о подборе и скрещиваниях, применимых ко ржи и сливам. Но мы все же вправе составить себе идеал человеческой природы, к которому человечеству следовало бы стремиться»⁴². Оно будет находить способы совершенствовать собственную природу в соответствии с объективно складывающимися возможностями. Природа эта, слагаемые которой весьма разнообразны по своему происхождению, содержит та-

⁴⁰ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XIII. – С. 10.

⁴¹ Фонтенель, Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. – М., 1979. – С. 50–51.

⁴² Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XII. – С. 258.

кие элементы, которыми стоит воспользоваться, чтобы сделать ее гармоничнее.

Составная часть ортобиоза – продление человеческой жизни. Пока что она слишком коротка и не позволяет человеку в полной мере проявить все свои данные. Опираясь на статистику, литературу о долгожителях, свои личные впечатления от встреч с людьми разных возрастов, Мечников высказывает прогнозы о достижимой средней продолжительности человеческого существования. Он считает, что этот возраст должен составить где-то 100–120–145 лет.

Но долгая жизнь – это еще не все. Нужно добиться – и это одна из главных проблем ортобиоза, – чтобы она не была отягчена физическими невзгодами. В этом отношении наиболее уязвимая часть жизни – старость. Важно, чтобы она являлась не патологической, болезненной, а физиологической, нормальной, деятельной. Старость – этап жизни человека; душевная деятельность его именно в это время идет вперед, получает дальнейшее развитие. «Признание это должно составлять основной принцип науки жизни и руководить педагогией и практической философией»⁴³.

Мечников писал о том, сколь многого достигли уже естествознание и медицина, борясь с болезнями и побеждая их, для продления жизни и обеспечения нормальной старости. Можно ли сомневаться в том, что в будущем они сделают еще больше? «Тот, кто исполняет свои обещания, внушает тем самым больше доверия, чем тот, кто обещает много и ничего не дает. Наука уже часто оправдывала возлагаемые на нее надежды... Религии же, требовавшие исключительно веры без всякой критики как метода избавления человечества от страданий, наоборот, были неспособны сдерживать свои обещания»⁴⁴.

Завершение ортобиоза – естественная смерть. Продолжительная жизнь и долгая, деятельная старость приводят, в конечном счете, к чувству насыщения существованием и к желанию смерти. Инстинкт жизни, постепенно исчезающий, сменяется инстинктом смерти. Правда, такое явление пока что редкость, и не каждый готов поверить в его достоверность. Мечников полагает, однако, что инстинкт смерти гнездится в природе человека, и если бы цикл

---

⁴³ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XII. – С. 252.

⁴⁴ Там же. – С. 261.

жизни следовал своему естественному ходу, то и данный инстинкт появлялся бы своевременно.

Мешает инстинкту обнаруживать себя именно то, что жизненный цикл постоянно нарушается. Возникает даже вопрос: не атрофировался ли этот инстинкт? По мнению Мечникова, он будет выходить из своего скрытого, потенциального существования, когда условия для этого сложатся благоприятно; он может быть пробужден и развит также путем воспитания.

Еще один вопрос, касающийся жизни и смерти, поднятый Мечниковым и широко дебатруемый общественностью ныне. «Когда инстинкт смерти наступает в очень преклонном возрасте, <...> то никто не мешает сократить жизнь, если смерть медлит наступить после появления этого инстинкта». Мечников предлагает рассматривать подобное как, может быть, единственный пример добровольного ухода из жизни, «оправдываемый идеалом ортобиоза»⁴⁵.

Основатель учения об ортобиозе дал начало двум новым отраслям научного знания, занимающимся старостью и смертью, – геронтологии и танатологии.

Он не сомневался, что при осуществлении поставленных проблем встретится немало трудностей. «Но характерную черту науки составляет именно то, что она требует большой активности, в то время как религиозные учения и системы метафизической философии ограничиваются пассивным фатализмом и немым смирением. Даже одна перспектива получить в более или менее отдаленном будущем научное разрешение великих задач, занимающих человечество, способна дать большое удовлетворение»⁴⁶.

Мечников определял свою философию как оптимистическую. Такой в действительности она и была.

---

⁴⁵ Мечников, И. И. Указ. соч. – Т. XII. – С. 258.

⁴⁶ Там же. – Т. XI. – С. 237.